

УДК: 94(470.57)“17”+330.112.2

DOI: 10.37279/2413-1741-2020-6-4-125-136

ИСТОКИ РЕСТОРАННОГО БИЗНЕСА В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ УФИМСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Хайретдинова О. А.

*Уфимский государственный нефтяной технический университет,
г. Уфа, Российская Федерация
E-mail:khairtdinova.aa@gmail.com*

Рассмотрена специфика распространения питейного промысла в Уфимской провинции в петровский период. Сложности развития винокурения и питейного дела на данной территории связаны с религиозными традициями местного населения, башкир, а также с вотчинным правом на владение землей коренного населения и преобладанием у него кочевого образа жизни. В результате, с одной стороны, башкиры как мусульмане всячески противодействовали появлению питейных заведений и распространению алкогольного промысла в Уфимской провинции, с другой стороны, слабо развитое земледелие не способствовало заготовке достаточного объема сырьевой базы для производства хлебного вина на данной территории. При Петре I предпринималась попытка повлиять на вотчинное право башкир путем увеличения перечня сборов и пошлин с башкирского населения, в результате чего было спровоцировано башкирское восстание 1704–1711 гг. Результатом подавления данного восстания должна была стать отмена податных привилегий башкир, активное земледельческое освоение и масштабная крестьянская колонизация территории. Однако вследствие столкновений помещные хозяйства уфимских дворян стали приходить в упадок, более трети помещичьих селений опустело, количество крестьян в крае сократилось почти в два раза. Отдельно в статье рассмотрены питейные сборы, инфраструктура управления казенными сборами и повинностями в Уфимской провинции. Так, в ходе исследования установлено, что основу питейной прибыли края составлял «медовый сбор с винной продажи», то есть самым доступным алкогольным напитком в Башкирии был мед. При этом хлебное сырье, необходимое для винокурения, оставалось дефицитом, из-за чего винокурение по-прежнему развивалось слабыми темпами. Установлено также, что, несмотря на появление новых категорий заведений в Санкт-Петербурге (трактиров, кофейных домов и т.д.), на окраинных провинциях, в том числе в Уфимской провинции, изменений не произошло, а число кружечных дворов в крае осталось прежним.

Ключевые слова: Уфимская провинция, Уфа, кружечный двор, винокурение, водка, казенные сборы, финансовая политика Петра I.

Введение

В научной литературе отмечается, что в России со времен Ивана IV более двух веков единственной разновидностью общественных досуговых, если можно так выразиться, заведений был кабак, переименованный позднее в кружечный двор, но не изменившийся по существу. Это были питейные заведения, в которых продавались только хмельные напитки. Если в существовавших ранее, но затем запрещенных корчмах народ не только пил, но и кормился, то в кабаке можно было «только пить, а есть нельзя» [21, с. 44].

Появление кабаков и кружечных дворов связано с изобретением крепкого напитка, ныне именуемого водкой. Тогда напиток, получаемый перегонным методом, водкой не называли. Производственный процесс именовался винокурением, а продукт – горящим, а с 1653 г. хлебным вином [20, с. 127]. Если точнее, горящее вино научились гнать при Иване III, но царь быстро оценил последствия изобретения (пагубное воздействие на людей, отличное от воздействия напитков, полученных методом брожения) и «совершенно» запретил изготовление и продажу крепкого алкоголя [29, с. 155]. Иван IV, напротив, принял в расчет выгоды винокурения для казны и стал повсеместно распространять государевы кабаки. Приобрести крепкий алкоголь люд мог только там. Производить вино для своих нужд запрещалось. Как отметил В.В. Похлебкин, винокурение для времен средневековья – это серьезное открытие, возникшее на этапе формирования денежно-рыночной системы хозяйствования. Нет ничего удивительного в том, что изобретение было объявлено собственностью государства, а продукция распространена как прибыльный товар [20, с. 70]. Вместе с тем в исследованиях констатируется, что употребление горящего вина перестало ассоциироваться с всеобщим весельем, как бывало в старину, когда употреблялись мед да пиво, и причинило «бедность и разорение бесчисленным семействам» [29, с. 154–155].

Специфика распространения питейных заведений в Башкирии в допетровский период

Распространение питейных заведений в присоединенной к России мусульманской Башкирии (1557), образовавшей со временем Уфимский уезд, имело особую специфику. Здесь принятая на великорусских территориях питейная организация на протяжении XVI – XVII вв. не дублировалась. Во-первых, кочевавшие и исповедовавшие ислам башкиры были противниками алкоголя, особенно крепкого, с изобретения которого, как утверждает в литературе, началось спаивание русского народа. Известно, например, что в 1645 г. казенный кабак попытались устроить в Байлярской волости Уфимского уезда, но местные башкиры возмутились, и Москве пришлось отступить. Тогда в столице вышел особый указ, запретивший «у них в Байлярской волости кабаку быть» [1, с. 76–79; 23, л. 321]. Во-вторых, коренное население пользовалось вотчинным правом на земли, землепашеством, как правило, не занималось и долгое время после присоединения к Русскому государству вотчинные земли пришедшим землепашцам не передавало. В XVII в поместные земли получали, как правило, уфимские дворяне, и располагались поместные хозяйства в основном вокруг Уфы, в радиусе 30–40 верст. Крепостных крестьян уфимским дворянам приходилось перевозить из родовых имений, т.е. из уездов, в которых у них были поместья до прибытия в Уфу. Кабальные формы использования труда башкир не практиковались [33, с. 991–993].

У Москвы тогда отсутствовали рычаги влияния даже на национальную верхушку. В Башкирии, как пишет Б.А. Азнабаев, «не было самостоятельно существовавших владений крупных феодалов, не было и зависимого от них

населения. Выяснилось, что владельцами земель здесь выступали не отдельные феодалы, а родоплеменные образования. Башкирские бии, князья, тарханы и мурзы не владели отдельными поместьями и крестьянами» [2, с. 34]. Иными словами, земля края после вхождения Башкирии в состав Русского государства стала собственностью казны, но на условиях башкирских племен. Основными условиями башкир было сохранение вотчинного права, веры (ислама), народных обычаев и обрядов. Они платили ясак в русскую казну, несли военную службу, но в их образе жизни ничего не изменилось [13, с. 34–35]. На протяжении всего XVII в. Уфимский уезд оставался краем с ничтожным количеством земледельческого населения [2, с. 35].

В Уфимском уезде образовалось незначительное число русских поселений, располагавших ограниченными земельными ресурсами. Требуемое для производства хлебного вина сырье в уезде было дефицитом. Поставки зерна производились из Казанского уезда [10, с. 26–27; 2, с. 47–48]. Согласно приходной книге пошлинных денег, единичные питейные заведения все же открылись, но только в Уфе и других редких местах проживания переселенцев из других областей Русского государства [24, л. 647].

Влияние финансовой политики Петра I на управление Уфимским уездом

Некоторые изменения начали происходить при Петре I. Коснулись они, прежде всего, управления Уфимским уездом. В исследованиях петровских реформ отмечается, что в стремлении пополнить казну «Петр I не считался ни с чем и прибегал нередко к самым крайним мерам». В первые годы правления он вводил многочисленные налоги и повинности [15, с. 92]. Устоявшаяся система управления национальными окраинами устраивала государя лишь в тех аспектах, что не препятствовали росту доходов казны. В частности, в петровские порядки не вписались условия подданства башкир, незыблемые уже более века, и связанные с этими условиями податные привилегии [2, с. 40–41]. Формально ясак оставался в силе, но коренное население края перемены все же почувствовало.

Во-первых, в допетровский период управление Уфимским уездом осуществлял Приказ Казанского дворца, созданный в Москве после покорения Казанского ханства. При Петре I наметилась тенденция к децентрализации. В 1700 г. башкирский край был подчинен казанским воеводам [31, с. 229, 233]. К казанским властям, в частности, перешли полномочия по сбору податей [2, с. 40]. Позднее, в 1708 г., Петр I провел административную реформу по всей России, предусмотрев введение нового управленческого звена (губернии) и повелев указом от 18 декабря «учинить» 8 губерний. Уфа и приписанные к ней «пригородки Бирской, Село Каракулино, Соловарной» вошли в состав Казанской губернии [17, с. 437]. В 1719 г. государь провел очередную реформу, в результате которой «Уфа с пригороды» образовали Уфимскую провинцию в составе Казанской губернии [18, с. 709]. Центральным органом управления в 1711 г. стал Сенат [15, с. 93].

Во-вторых, в 1703 г. в селе Семеновском под Москвой была образована Ижорская канцелярия, фискальное ведомство, занятое извлечением средств на

строительство Санкт-Петербурга. Руководил канцелярией ингерманландский губернатор и сподвижник государя А. Д. Меншиков, которому удалось сосредоточить в своих руках контроль над значительной частью налоговой системы России [22, с. 112]. Ведомство сконцентрировало внимание на Поволжье и прилегающих к нему территориях, заселенных преимущественно нерусскими народами, не обращая внимания на их особое податное положение.

Судя по официальным документам, Ижорская канцелярия ведала сборами с торговых и домовых бань, рыбных ловель, «бортных ухажий», «конских площадок», «хомутных пятен», мостов, перевозов, мельниц [17, с. 230–231, 232–240, 242–243]. Однако претензии прибыльщиков (сборщиков налогов) Ижорской канцелярии выходили далеко за эти рамки. В историю вошел прецедент, спровоцировавший башкирское восстание 1704–1711 годов. В 1704 г. на Чесноковской горе прибыльщики Михайло Дохов и Андрей Жихарев заявили выборным башкирам о наложении 72 новых статей прибыли (налогов). Под налогообложение попадали не только ловли и борти, но также свадьбы, калымы, ворота, окна, домовые печи, проруби и даже все башкиры, явившиеся в город на рынок. Наиболее оскорбительным был, пожалуй, налог на цвет глаз [7, с. 84; 3, с. 14; 15, с. 93]. Эти налоги не могли быть приняты башкирами безмолвно, оттого они походили на провокацию. «Вначале XVIII в., – считает Б.А. Азнабаев, – российские власти впервые прибегли к целенаправленному провоцированию башкирского населения, чтобы использовать недовольство башкир для отмены податных привилегий». А в 1705 г. прошла волна изъятий у башкирских родов части вотчинных угодий и передачи изъятых земель в оброк «охочим» людям [2, с. 40]. Это были первые весомые шаги на пути к преодолению вотчинного права башкир, нацеленные на масштабную крестьянскую колонизацию края и развитие земледелия.

Однако в петровский период принципиальные изменения в землепользовании на территории Башкирии не произошли. Финансовая политика спровоцировала волнения коренного населения, вследствие чего устроенные в XVII в. поместья уфимских дворян (особенно крупные хозяйства), стали приходить в упадок. В столкновениях с восставшими погибали и владельцы, и крестьяне, крестьян брали в плен, многие из них разбежались. Статистика такова. Если в 1646 г. за 48 уфимскими помещиками числилось 566 душ мужского пола, то в 1718 г. за 79 помещиками числилось всего 303 души, а более трети помещичьих селений опустело [33, с. 992–993].

Интерес представляет вопрос: развивали ли земледелие сами башкиры? Распространено мнение, что башкиры земледелием не занимались совсем. В 1627 г. официальное представление выглядело так: «А от усть реки Белья Воложки вверх и по реке по Уфе по обеим сторонам и до Аральтовы (Ураловой) горы и далее все живут башкиры, а кормля их мед, зверь, рыба, а пашни не имеют» [11, с. 152]. Однако исследователи находят архивные документы, согласно которым пашни у башкир были, а в национальной кухне помимо мясных и молочных блюд присутствовали блюда из зерна и муки. В литературе появился даже термин

«кочевое земледелие». Впрочем, «хлебопашцами были не все, а сеяли поначалу немного» [4, с. 75, 77].

Башкиры в исследуемый период вотчинные земли не продавали. Но индивидуальные участки кочевья они сдавали в аренду так называемым припущенникам. Договоры об аренде-припуске заключались в Уфимской приказной избе. В литературе отмечается, что русских башкиры предпочитали в свои вотчины не пускать. Чаще припущенниками становились татары или мещеряки, которые получали право заготавливать сено, «борти делать, и зверя всякого побивать, и птицу и рыбу ловить». Пашенные земли и мельницы в припускных записях упоминаются, но реже [12, с. 90].

Изложенное позволяет утверждать, что в ходе петровских реформ сырьевая база винокурения в Башкирии не развивалась. О повсеместном распространении кружечных дворов говорить не приходилось. Башкиры, во-первых, по-прежнему кочевали и, во-вторых, даже во время больших праздников употребляли самостоятельно изготовленный кумыс и ничего более крепкого, а тем более полученного перегонным методом, не признавали.

В научный оборот введен интересный документ, согласно которому крепкий алкоголь как минимум однажды был применен в отношении большой группы авторитетных башкир в качестве средства пытки. В 1705 г. прибывший из Казани представитель Ижорской канцелярии Александр Савич Сергеев «со многими полками», насильственно напавшая приглашенных на встречу башкир «зельем и вином» («ежели кто не станет пить, тех бив палками насильно поил»), выбивал обещание внести большие суммы в казну, дать 5 тыс. лошадей и 100 «человек людей». Как подчеркивается в документе, поил и тех, «кто век своей меду и вина не пивали». От «угощения» с побоями умерло 9 человек. А эта встреча еще более распалила начавшееся в 1704 г. восстание [7, с. 84–85; 1, с. 79].

Последствия петровских реформ системы питейных сборов для Уфимской провинции

Что касается питейных сборов, то в целом Петр I уделял им большое внимание.

До воцарения Петра торговать алкогольными напитками имели право либо государевы агенты («верные люди», целовальники), либо откупщики. Управляли целовальниками головы, которые, в свою очередь, подчинялись воеводам. В 1699 г. голов сменили бурмистры. Их изъяли из ведомства воевод и подчинили Бурмистрской палате, которая находилась в Москве [27, с. 6].

Откупщиками называли частных, получавших у государства право продавать алкоголь. За такое право «охочие люди» выплачивали в пользу казны откуп, или питейный налог [5, С. 127–128]. Откуп превышал казенные сборы, поэтому государству он был выгоден. Однако его периодически отменяли «за злодеяния» – откупщики в погоне за прибылью доводили до разорения целые области, расцвело пьянство и «с неумеренным употреблением вина сопряженные беспорядки» [14, С. 100; 27, С. 10]. Незадолго до воцарения Петра Алексеевича откуп в очередной раз отменил царь Федор Алексеевич (1681). Но в 1705 г. Петр I, преобразования

которого требовали больших и быстрых денег, откуп вернул. А в 1712 г. он упразднил торговлю на вере, и до 1724 г. откуп был единственным механизмом реализации государственной регалии (т. е. монополии) на пития [6, с. 383].

В XVII в. для производства питей устраивались казенные винокурни, но казенным производство было лишь отчасти. В 1681–1682 гг. к курению вина были допущены помещики и вотчинники – в качестве подрядчиков, которым разрешалось иметь собственные заводы [27, с. 16]. Петровский Указ от 28 января 1716 г. позволил курить вино «для себя и на подряд» свободно «как высшим, так и нижним всяких чинов людям», правда, докладывая губернским властям, «кто во сколько кубов и казанов похочет вино курить» (от объема зависела сумма налога, выплачиваемого в казну) [18, с. 195–196].

Неоднократно Петр I реформировал систему управления питейными сборами. Как отмечено выше, первым шагом в этом вопросе стало учреждение Бурмистрской палаты. В январе 1699 г. государь издал два указа: «Об учреждении Бурмистрской палаты для ведомства всяких расправных дел между гостями и посадскими людьми, для управления казенными сборами и градскими повинностями, и об исключении гостей и посадских людей из ведомства воевод и приказов» [16, С. 598–600] и «Об учреждении в городах земских изб для ведомства всяких расправных дел между посадскими и торговыми людьми, для управления казенными с них сборами и градскими повинностями и об исключении торговых и посадских людей из ведомства воевод и приказов» [16, с. 600–601] (Бурмистрская палата в том же году была переименована в Ратушу).

Как видно из названий указов, новая инфраструктура получала много полномочий, и управление сборами и повинностями – это только одна из ряда функций.

На основании второго указа на местах создавались земские избы. Что интересно, создавались они на принципах выборности, и власть воевод и приказных изб на них не распространялась. Монарх вознамерился пресечь казнокрадство чиновников и превратил сбор податей и пошлин в приоритетное направление деятельности выборного управления. Причем избираться в бурмистры, в т.ч. кабацкие, могли далеко не все желающие, а только лица, занятые в производстве и торговле. Здесь уместно подчеркнуть, что создание земской избы было не обязанностью, а правом населения. В Уфе земская изба появилась, и Уфимская приказная изба передала ей не только часть полномочий, но и многочисленные записные книги [32, С. 43].

Впрочем, свобода посадского и торгового населения в управленческих делах была относительной. Например, сбор податей в Уфимском уезде, как отмечено выше, с 1700 г. контролировался казанскими властями. А в 1708 г. в связи с административной реформой выборное управление в части, касающейся денежных поступлений, и вовсе было свернуто. Всеми делами в образованных губерниях отныне управлял губернатор, а сбором средств в казну ведал губернский обер-комиссар. Ратуша в Москве, которая успела превратиться чуть ли не в казначейство

всего государства, после передачи финансовых дел губернаторам, стала, соответственно, городским органом местного управления.

В 1719 г., когда в составе Казанской губернии была официально закреплена Уфимская провинция, ратуша появилась и в Уфе.

Очередной шаг Петр I предпринял 16 января 1721 г., утвердив «Регламент или Устав Главного Магистрата» [19, С. 291–309]. Главный магистрат был учрежден в Санкт-Петербурге, а его руководитель назначен царем. На местах предусматривался выборный принцип. Избирать полагалось бургомистров и ратманов (советников), а также президента из их числа.

В Уфе проживали в основном служилые люди, управление которыми осуществляла Уфимская провинциальная канцелярия. Посад составлял всего 3% населения, и именно на эту малочисленную категорию распространялось выборное управление. Уфимский магистрат появился в 1722 г. в результате преобразования (или, лучше сказать, переименования) ратуши. Среди его полномочий значился выбор целовальников, в т.ч. кабацких, которые непосредственно занимались сбором пошлин. Это обстоятельство не нравилось уфимскому воеводе Ивану Ефремовичу Бахметеву, который хотел перевести эту функцию под контроль государства и даже обращался в Сенат с просьбой вывести пошлины (кабацкие, таможенные и канцелярские) из ведения магистрата, но Сенат воеводу не поддержал. Впрочем, Уфимский магистрат отчитывался и перед Главным магистратом, и перед Уфимской провинциальной канцелярией [8, С. 29].

При Петре I в Россию начало приходить разнообразие заведений. Если до конца XVII в. единственным видом заведений были кружечные дворы (в Москве, правда, в 1674 г. появились погреба, торгующие заграничными винами на вынос и распивочно, причем с закуской – хлебом, изюмом и миндалем [30, С. 98]), то при царе-реформаторе стали реализовываться идеи с европейским оттенком. В Россию начали приезжать многочисленные европейские гости, и кабаки с погребами, в которых не предусматривалась кухня, явно потребности гостей не удовлетворяли.

В Петербурге почти сразу после его основания появился первый кофейный дом. Затем появились пивные лавки, продающие пиво, сваренное по голландской технологии. Наконец, открылся первый трактир. В то время трактир представлял собой улучшенный постоялый двор, в котором не стыдно было принимать иностранных гостей. В 1719 г. соответствующим указом государь поручил «торговому иноземцу» Петру Милле устроить такое заведение в Петербурге по европейскому образцу. Петру Милле, в частности, надлежало на 20 саженях возвести большой каменный дом «в два или три жилья» (этажа), где должны были среди прочего продаваться «всякие питья и табак» [18, с. 649; 29, С.195; 30, с. 100] (как известно, именно Петр I, поддавшись европейской моде, легализовал в России курение и еще в 1704 г. повелел, чтобы табак, который в то время был «на откуп у консула Карлуса Гутфеля», продавался на кружечных дворах «таким же поведением, как Его Великого Государя указы повелевают о винной продаже» [17, с. 275]).

Но новшества, которые увидел Петербург, до окраин тогда не дошли.

Уфа к началу XVIII в. значительно увеличилась – дворов в ней уже насчитывалось более 650 (для сравнения: в 1647 г. в Уфе было не более 200 дворов) [10, с. 32, 34]. Однако сведений об увеличении количества кружечных дворов не обнаружено. Как и ранее, действовал один кружечный двор. По данным за 1703 г., он находился на кремлевской территории, рядом с административными зданиями и лавками Верхнего базара [25, л. 123; 26, л. 123, 231]. Контракты на поставку вина заключали другие русские поселения Уфимского уезда (Бирск, Пьяный бор и др.). Но по-прежнему винокурение и продажи горячего вина оставались здесь явлениями вялотекущими. Интересный документ ввел в научный оборот М. М. Зулькарнаев. Речь идет о данных по денежным доходам Уфимской провинции в 1734 году. Документ составлен главой Оренбургской экспедиции И. К. Кириловым в начале очередного этапа освоения Башкирии. По данным Кириллова, питейные сборы в Уфимской провинции составили 3510 руб. 48 коп., и это приличная сумма [9, с. 188]. Для сравнения в середине XVII в. питейные сборы не превышали 300 рублей [1, с. 79]. Но выводы делать рано. Стоит обратить внимание на некоторые другие цифры, приведенные Кириловым.

На основании упомянутого выше указа Петра I от 28 января 1716 г. лица, занятые винокурением, обязывались вносить в казну оклад «с ведерной меры» (или «с клейменных кубов») – по полуполтине за ведро на год [18, с. 196]. В Уфимской провинции в 1734 г. соответствующий сбор составил 31 руб. 75 коп., т.е. в общей сложности канцелярия заклеимила кубов (выдала разрешений) всего на 127 ведер.

Еще один сбор – при продаже «прибавочные на горячее вино по 10 коп. с ведра» – составил 184 руб. 87 коп. [9, с. 188]. Значит, продано было около 1849 ведер, а это совсем немного.

Получается, основу довольно приличной питейной прибыли составляли отнюдь не продукты винокурения. Здесь уместно вспомнить, что в Башкирии самым доступным алкогольным напитком был продукт брожения – мед. А взимание «медового сбора с винной продажи» на кружечных дворах Петр I закрепил особым указом 1 февраля 1705 года [17, С. 285–286]. Хлебное же сырье, которое использовалось в винокурении, оставалось дефицитом. Это также подтверждают данные Кириллова – по мельничным сборам. По окладу, с мельниц надлежало собрать 544 руб. 50 коп., реальный же сбор составил 262 руб. 31 коп., т. е. в два раза меньше [9, с. 188]. В областях с оседлым населением и развитым земледелием, напротив, мельничные сборы могли превосходить все остальные, как это было, например, в Ростове Великом [28, с. 100]. К слову, в Уфимской провинции самые значительные поступления в казну приходились, как и прежде, на ясак, выплачиваемый башкирами.

Заключение

Изложенное позволяет заключить, что распространению крепкого алкоголя в Уфимской провинции препятствовали те же причины, что и ранее: неприятие вина в среде башкир и отсутствие сырьевой базы для винокурения. Официальные цифры по сборам в казну наверняка не соответствовали реальному положению дел, ведь

общепризнано, что большой ущерб казне приносило корчемство, т.е. незаконный оборот алкоголя. Однако по объективным причинам в Башкирии существенно наращивать объемы винокурения и торговли вином пока еще не представлялось возможным. Разнообразие заведений общественного питания, которым в петровскую эпоху под влиянием европейских тенденций отличился в основном строящийся Петербург, в далекой Уфимской провинции востребовано не было.

Список использованных источников и литературы

1. Азнабаев Б. Уфимские кабаки и кружечные двory в XVII веке // Уфа. – 2016. – № 7. – С. 76–79.
Aznabaev B. Ufimskie kabaki i kruzhechnye dvory v XVII veke // Ufa. – 2016. – № 7. – S. 76–79.
2. Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI — первая треть XVIII вв.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 2006. – 52 с.
Aznabaev B.A. Integratsiya Bashkirii v administrativnuyu strukturu Rossiiskogo gosudarstva (vtoraya polovina XVI — pervaya tret' XVIII vv.): avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk. – M., 2006. – 52 s.
3. Акманов И. Г., Каримов К. К., Хабибуллина А. Р. Башкирское восстание 1704–1706 гг. на территории Казанской дороги // Вестник АН РБ. 2018. – Т. 27. – № 2 (90). – С. 12–18.
Akmanov I. G., Karimov K. K., Khabibullina A. R. Bashkirskoe vosstanie 1704–1706 gg. na territorii Kazanskoi dorogi // Vestnik AN RB. 2018. – T. 27. – № 2 (90). – S. 12–18.
4. Бикбулатов Н. В., Юсупов Р. М., Шитова С. Н., Фатыхова Ф. Ф. Башкиры: этническая история и традиционная культура. – Уфа: Баш. энциклопедия, 2002. – 246 с.
Bikbulatov N. V., Yusupov R. M., Shitova S. N., Fatykhova F. F. Bashkiry: etnicheskaya istoriya i traditsionnaya kul'tura. – Ufa: Bash. ensiklopediya, 2002. – 246 s.
5. Гавлин М. Л. Вопрос о винных откупах в истории законодательства Российской империи XVIII–XIX вв. // Экономическая история. Обзорение. Вып. 13. – М.: МГУ. – 2007. – С. 127–139.
Gavlin M. L. Vopros o vinnykh otkupakh v istorii zakonodatel'stva Rossiiskoi imperii XVIII–XIX vv. // Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie. Vyp. 13. – M.: MGU. – 2007. – S. 127–139.
6. Горюшкина Н. Е. «Кроме кабацких денег государевым деньгам сбору нет»: питейный сбор от Ивана III до Николая II // Bylye Gody. – 2014. – № 33 (3). – С. 382–386.
Goryushkina N. E. «Krome kabatskikh deneg gosudarevym den'gam sboru net»: piteinyi sbor ot Ivana III do Nikolaya II // Bylye Gody. – 2014. – № 33 (3). – S. 382–386.
7. Дмитриев А. А. Пермская старина: сб. исторических статей и материалов. Вып. VIII. К истории зауральской торговли. Башкирия при начале русской колонизации. – Пермь: Типогр. П. Ф. Каменского, 1900. – 172 с.
Dmitriev A. A. Permskaya starina: sb. istoricheskikh statei i materialov. Vyp. VIII. K istorii zaural'skoi trgovli. Bashkiriya pri nachale russkoi kolonizatsii. – Perm': Tipogr. P. F. Kamenskogo, 1900. – 172 s.
8. Жарникова Г. В. Исторические особенности местного управления в Российской Империи (на примере Уфимской провинции в первой половине XVIII века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2005. – 32 с.
Zharnikova G. V. Istoricheskie osobennosti mestnogo upravleniya v Rossiiskoi Imperii (na primere Ufimskei provintsii v pervoi polovine XVIII veka): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – M., 2005. – 32 s.
9. Зулькарнаев М. М. Доходы Уфимской провинции по материалам руководителя Оренбургской экспедиции (1734–1737 гг.) И. К. Кирилова // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. – 2011. – № 2. – С. 186–191.
Zul'karnaev M. M. Dokhody Ufimskei provintsii po materialam rukovoditelya Orenburgskoi ekspeditsii (1734–1737 gg.) I. K. Kirilova // Rus', Rossiya. Srednevekov'e i Novoe vremya. – 2011. – № 2. – S. 186–191.
10. История Уфы. Краткий очерк / под ред. Р. Г. Ганеева. – Уфа.: Баш. кн. изд-во, 1981. – 605 с.

- Istoriya Ufy. Kratkii ocherk / pod red. R. G. Ganeeva. – Ufa.: Bash.kn. izd-vo, 1981. – 605 s.
11. Книга Большому чертежу, или Древняя карта Российского государства, поновленная в Разряде и списанная в книгу 1627 года. – СПб.: Тип. Рос. акад., 1838. – 261 с.
- Kniga Bol'shomu chertezhu, ili Drevnyaya karta Rossiiskogo gosudarstva, ponovlennaya v Razryade i spisannaya v knigu 1627 goda. – SPb.: Tip. Ros. akad., 1838. – 261 s.
12. Косых Е. С. Припускные записи как источник по истории поземельных отношений в Уфимском уезде в начале XVIII века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 7 (57): в 2 ч. Ч. II. – С. 89–92.
- Kosykh E. S. Pripusknye zapisi kak istochnik po istorii pozemel'nykh otnoshenii v Ufimskom uезде v nachale XVIII veka // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – 2015. – № 7 (57): v 2 ch. Ch. II. – С. 89–92.
13. Кунафина И. Р. Законы Российского государства и нормы обычного права башкир (середина XVI-XIX вв.) // Актуальные проблемы российского права. – 2010. – № 1. – С. 32–43.
- Kunafina I. R. Zakony Rossiiskogo gosudarstva i normy obychnogo prava bashkir (seredina XVI-XIX vv.) // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. – 2010. – № 1. – S. 32–43.
14. Махрова Т. К. Из истории винного откупа и питейного корчемства на Урале в конце XVIII – первой половине XIX в. // Правопорядок: история, теория, практика. – 2015. – № 2 (5). – С. 100–107.
- Makhrova T. K. Iz istorii vinnogo otкупа i piteynogo korchemstva na Urale v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v. // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. – 2015. – № 2 (5). – S. 100–107.
15. Муравьева Л. А. Налоги и налогообложение в России первой четверти XVIII века // Финансы и кредит. – 2007. – № 20 (260). – С. 90–98.
- Murav'eva L. A. Nalogi i nalogooblozhenie v Rossii pervoi chetverti XVIII veka // Finansy i kredit. – 2007. – № 20 (260). – S. 90–98.
16. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ РИ). Собр. 1: в 50 т. Т. III. 1689–1699. – СПб.: Типогр. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 694 с.
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii (PSZ RI). Sobr. 1: v 50 t. T. III. 1689–1699. – SPb.: Tipogr. II otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. – 694 s.
17. ПСЗ РИ. Собр. 1: в 50 т. Т. IV. 1700–1712. – СПб.: Типогр. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 890 с.
- PSZ RI. Sobr. 1: v 50 t. T. IV. 1700–1712. – SPb.: Tipogr. II otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. – 890 s.
18. ПСЗ РИ. Собр. 1: в 50 т. Т. V. 1713–1719. – СПб.: Типогр. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 782 с.
- PSZ RI. Sobr. 1: v 50 t. T. V. 1713–1719. – SPb.: Tipogr. II otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. – 782 s.
19. ПСЗ РИ. Собр. 1: в 50 т. Т. VI. 1720–1722. – СПб.: Типогр. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 817 с.
- PSZ RI. Sobr. 1: v 50 t. T. VI. 1720–1722. – SPb.: Tipogr. II otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. 817 s.
20. Похлебкин В. В. История водки. – М.: Центрполиграф, 2005. – 160 с.
- Pokhlebkina V. V. Istoriya vodki. – M.: Tsentrpoligraf, 2005. – 160 s.
21. Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. – Казань: Молодые силы, 1914. – 292 с.
- Pryzhov I. G. Istoriya kabakov v Rossii v svyazi s istoriei russkogo naroda. – Kazan': Molodye sily, 1914. – 292 s.
22. Редин Д. А. «Царского величества государственных тайных дел министр...»: А. Д. Меншиков как администратор универсального типа // Меншиковские чтения. – 2015. – № 10. – С. 108–115.
- Redin D. A. «Tsarskogo velichestva gosudarstvennykh tainykh del ministr...»: A. D. Menshikov kak administrator universal'nogo tipa // Menshikovskie chteniya. – 2015. – № 10. – S. 108–115.

23. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 233. Оп.1. Д. 671.
Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA). F. 233. Op.1. D. 671.
24. РГАДА. Ф.233. Оп. 1. Кн.109.
RGADA. F.233. Op. 1. Kn.109.
25. РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Кн. 12136.
RGADA. F. 615. Op. 1. Kn. 12136.
26. РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Кн. 12139.
RGADA. F. 615. Op. 1. Kn. 12139.
27. Сведения о питейных сборах в России: в 3 ч. Ч. 1. – СПб.: Гос. канцелярия по Отделению гос. экономии, 1860. – 291 с.
Svedeniya o piteinykh sborakh v Rossii: v 3 ch. Ch. 1. – SPb.: Gos. kantselyariya po Otdeleniyu gos. ekonomii, 1860. – 291 s.
28. Субботина Т. Ю. Окладная книга Ростовской воеводской канцелярии 1761 г. // История и культура Ростовской земли: сб. материалов конф. – Ростов: Рост. Кремль, 2009. – С. 98–105.
Subbotina T. Yu. Okladnaya kniga Rostovskoi voevodskoi kantselyarii 1761 g. // Istoriya i kul'tura Rostovskoi zemli: sb. materialov konf. – Rostov: Rost. Kreml', 2009. – S. 98–105.
29. Терещенко А. В. Быт русского народа: в 2 т. Т. 1. – М.: Ин-т русской цивилизации, 2014. – 944 с.
Tereshchenko A. V. Byt russkogo naroda: v 2 t. T. 1. – M.: In-t russkoi tsivilizatsii, 2014. – 944 s.
30. Травер П. В. История и образ кабака и трактира в русской культуре // История и современность. – 2013. – № 1. – С. 90–109.
Traver P. V. Istoriya i obraz kabaka i traktira v russkoi kul'ture // Istoriya i sovremennost'. – 2013. – № 1. – S. 90–109.
31. Усманов А. Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. – Уфа: Баш. кн. изд-во, 1982. – 336 с.
Usmanov A. N. Dobrovol'noe prisoedinenie Bashkirii k Russkomu gosudarstvu. – Ufa: Bash. kn. izd-vo, 1982. – 336 s.
32. Хайбуллин А. Р. Нотариальная деятельность подьячих в Уфимском уезде в XVIII в. // Вестник Перм. ун-та. Сер.: Юрид. науки. – 2011. – № 2 (12). – С. 42–47.
Khaibullin A. R. Notarial'naya deyatel'nost' pod'yachikh v Ufimskom uezde v XVIII v. // Vestnik Perm. un-ta. Ser.: Yurid. nauki. – 2011. – № 2 (12). – S. 42–47.
33. Шайхисламов Р. Б., Азнабаев Б. А. Помещичья колонизация Башкирии // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Сер.: История. – 2018. – Т. 63. – Вып. 4. – С. 987–1000.
Shaikhislamov R. B., Aznabaev B. A. Pomeschich'ya kolonizatsiya Bashkirii // Vestnik Sankt-Peterb. un-ta. Ser.: Istoriya. – 2018. – T. 63. – Vyp. 4. – S. 987–1000.

Khairtudinova O. A. The origins of the restaurant business in the Petrine Era: a historiographic review of materials from the Ufa province

This article examines the specifics of the distribution of the drinking industry in the Ufa province during the reign of Peter I. Difficulties in the development of distilling and alcohol business in this territory are associated with the religious traditions of the local population, the Bashkirs, as well as with the patrimonial right to own land of the indigenous population and the predominance of nomadic lifestyle. As a result, on the one hand, the Bashkirs as Muslims in every possible way opposed the emergence of drinking establishments and the spread of alcoholic beverages in the Ufa province, on the other hand, poorly developed agriculture did not contribute to the procurement of a sufficient volume of raw materials for the production of bread wine in this territory. Under Peter I, an attempt was made to influence the patrimonial right of the Bashkirs by increasing the list of fees and duties from the Bashkir population, as a result of which the Bashkir uprising of 1704–1711 was provoked. The result of the suppression of this uprising was to abolish the tax privileges of the Bashkirs, active agricultural development and large-scale peasant colonization of the territory. However, as a result of the clashes, the estates of the Ufa nobles began to decline, more than a third of the landowners' villages were deserted, the number of peasants in the region was almost halved. Separately, the article discusses drinking fees, the infrastructure for managing government fees and duties in the Ufa province. Thus,

in the course of the study, it was found that the basis of the region's drinking profit was «honey collection from wine sales», that is, the most affordable alcoholic drink in Bashkiria was honey. At the same time, the grain raw materials necessary for distilling remained in short supply, which is why distilling continued to develop at a slow pace. It was also found that, despite the emergence of new categories of establishments in St. Petersburg, there were no changes in the outlying provinces, including in the Ufa province, and the number of taverns in the region remained the same.

Keywords: Ufa province, Ufa, tavern, distillation, vodka, government fees, financial policy of Peter I.